

Научно-информационный центр «Мемориал» (Санкт-Петербург)
Европейский университет в Санкт-Петербурге
Научно-информационный и просветительский центр «Мемориал» (Москва) Генеральное
консульство Республики Польша в Санкт-Петербурге
The Anglo-Russian Cooperative Forum
Центр Независимых Социологических Исследований

**Пятые международные чтения памяти В.В. Иофе.
ПРАВО НА ИМЯ. БИОГРАФИКА 20 ВЕКА
Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания**

Европейский университет в Санкт-Петербурге, 16-18 апреля 2007

Тезисы

Елена Агеева

Музей истории МГУ, Москва

Биографические исследования старообрядчества XX века

Культурное пространство России на сегодняшний день складывается из множества сообществ, ценностные и культурно-исторические установки, которых весьма далеки друг от друга и достаточно разнохарактерны. Определённое место занимает в нём и старообрядчество как представитель консервативных настроений, выступающий хранителем исторического наследия и на самом деле только пытающийся осознать свое место в России и мире. Представления о последователях старой веры в современном сознании колеблются от восторженной идеализации до глубокого неприятия, основанного на домыслах, в том числе исходящих из научного сообщества, яркий пример чему статьи Дмитрия Галковского и О.Л. Шахназарова о том, что главными большевиками в России были именно старообрядцы, подготовившие Октябрьский переворот. Во многом это связано, не смотря на возросшее внимание к старообрядческой проблематике, с очень слабой изученностью истории старообрядчества XX в., и особенно биографических сюжетов, так и не ставших предметом специального исследования, и не рассматривающихся в качестве источников для осмысления социокультурных процессов. Но в тоже время нельзя не отметить алфавитные статьи по старообрядческим персоналиям в «Православной энциклопедии», мемориальные статьи на сайте «Самарское старообрядчество», материалы изданий Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ) - «Духовные ответы» и «Во время оно», «Староверие Балтии и Польши»- краткий исторический и биографический словарь и др. Наиболее слабым звеном остаются биографии репрессированных старообрядцев. Если РПСЦ МП проводит огромную работу по выявлению и поминовению своих последователей, пострадавших в ходе репрессий, то старообрядчество, разделённое на ряд Церквей и согласий, истощённое многовековыми преследованиями, имевшими лишь краткий просвет, называемый старообрядцами «золотым веком» (1905-1917), не смогло наладить последовательное изучение этих трагических процессов. Фрагментарно исследование репрессий представлено в самых разных источниках и изысканиях. Это и расстрельные списки, подготовленные «Мемориалом», свидетельства устной истории, материалы исследователей и родственников репрессированных. Все они разрозненны, слабо документированы, требуют дальнейшего изучения и обобщения. Подробности биографий, репрессии и места захоронений неизвестны даже для таких выдающихся деятелей РПСЦ как еп. Рязанский и Егорьевский Александр Богатенков и его сын

иконописец, знаток церковного пения Яков Алексеевич. Восполнение этого пробела представляется насущной и актуальной задачей.

Вера Аксареева

Удмуртский государственный университет, исторический факультет, кафедра археологии и истории первобытного общества, Ижевск

Биография как источник гендерного изучения истории археологии

Учёные – неперенные субъекты науки, без которых невозможна сама наука, её функционирование и развитие. Индивидуальные качества учёного, его персональная и интеллектуальная биография во многом определяют содержание и характер его научной деятельности. Личность исследователя приобретает особый интерес и в контексте формирования норм профессиональной культуры и представлений о ценностях профессии археолога. Важным предметом исследования является изучение научного сообщества в целом, поскольку личность ученого – « сложная психологическая и интеллектуальная структура, возникающая на пересечении эпохальных, классовых, групповых и индивидуально-уникальных моделей сознания и поведения, вследствие чего любые исторические и социальные процессы реализуют себя через человека» (Могильницкий Б.Г., 2004, с.12).

Особый интерес в историко-научном контексте приобретает гендерная составляющая бытования науки. Меняющиеся социальные роли женщин на протяжении всего времени существования археологии как науки влияли и на гендерную структуру в организации науки.

Гендер – это социальная характеристика пола, в которой рассматривается социальный статус индивида и его положение в обществе. Поэтому гендерные исследования, являясь новым направлением в исторических исследованиях, призваны раскрыть социальные роли полов в истории и восстановить целостность социальной истории, в том числе и истории науки.

Кое-какие наработки современной историографии археологии могут иметь значение для изучения их на основе гендерного подхода. Это, в первую очередь, касается публикации персональных и научных биографий женщин-археологов в справочных изданиях. Естественно, что они в содержательном смысле создавались для иных познавательных целей, особые акценты на социальные роли женщин в науке в них не ставились, но они содержат полезную информацию об основных вехах в научной деятельности исследовательниц. Следует указать целый ряд таких изданий. Это 3-х томная «Антология советской археологии» (1995, 1995а, 1996), содержащие сведения о научных биографиях женщин-ученых. Даже беглый взгляд на это издание обнаруживает определенные тенденции научной активности женщин. Четыре женские биографии приходится на 57 мужских! В первом томе, публикующем наиболее значимые археологические работы 1917-1933 гг. нет вообще ни одной женской биографии и статьи! Судя по групповым фотографиям археологов, приводимых на обложке издания – в первом томе женщины отсутствуют вообще, во втором их уже четверо, а в третьем (1941-1956 гг.) – 7!

Особый интерес для гендерных исследований в изучении истории археологии приобретает мемуарная литература. Ее не так много, но, тем не менее, она дает представление о пути женщин в науку. В 2005 г. вышли мемуары первой профессиональной женщины-археолога П.С.Уваровой (2005). В истории региональной археологии такой интерес представляют работы Р.Д.Голдиной «Силуэты растаявших

веков» (1996), ее статья «Мой путь в археологию» (2002), Г.И.Матвеевой «Экспедиции в прошлое. Записки археолога»(1998).

Закономерности социальных ролей женщины в российском обществе в полной мере проявились в личной и научной биографии П.С.Уваровой – первой профессиональной женщине – археологе, организаторе археологической науки, почетного члена Петербургской Академии наук, многих российских и зарубежных научных обществ и университетов. Прасковья Сергеевна исполняла секретарские обязанности и помогала своему мужу в делах МАО, в устройстве АС, в научных изысканиях, сопровождала его в поездках, помогала вести переписку. В 1885 г. МАО выбрало П.С.Уварову в члены Общества, «чего не позволял муж на том основании, что не желал иметь в обществе женщин и потому не хотел исключения для жены» (Уварова П.С., 2005, с.157). В мае же 1885 г. МАО избрало П.С.Уварову своим председателем. «Думается, что члены Общества не давали себе полного отчета в том, что они могли ожидать от меня, но, боясь ответственности за бездеятельность Общества, после кипучей и многосторонней работы мужа, и не находя между собой человека свободного и работоспособного, как он, они решили, что я знакома как с техникой подготовки съездов и выставок, так и с провинциальными учеными и любителями, и что я довольно молода и предприимчива, чтобы работать по проложенной мужем тропе и что, наконец, если я окажусь неспособной, то всегда легче для них и покойнее свалить всю вину на слабую неспособную женщину. Я приняла председательство не потому, что считала себя достойной этого избрания, но потому, что хотелось продолжить начатое дело в том направлении, которое было дано мужем» (Уварова П.С., 2005, с.159).

Особая роль в биографике должна отводиться эпистолярному жанру, для характеристики взглядов ученого на некоторые события, скрытые в формальных источниках, Зачастую именно семейные обстоятельства толкают на принятие различных решений и в научной карьере. Так, например, было и в жизни известного уральского археолога - Елизаветы Михайловны Берс. В связи с тем, что Елизавета Михайловна не имела высшего исторического образования, и была лишь лаборантом, многие ее научные гипотезы не всегда принимались всерьез, были проблемы в публикации работ. Некоторые ученые считали, что какой-то лаборантке не стоит лезть в науку. Елизавете Михайловне, конечно, предлагали пойти учиться заочно, но она отказалась в связи с семейными обстоятельствами, ей надо было прокормить не только себя, но и ребенка, поэтому на учебу не было времени, она подрабатывала в разных местах.

Гендерный подход в изучении истории археологии нуждается в постоянном поиске биографических источников, что позволит в полной мере представить путь женщин в науке.

Андрей Алексеев

Социологический институт РАН, Санкт-Петербург

Эстафета памяти-2. Мотивы, формы и роль автобиографических повествований

1. В нашей работе “Эстафета памяти. Ресурсы, нормы и эффекты автобиографического повествования” (2001) “истории жизни” (life stories, recits de vie) рассматривались не в качестве специального исследовательского метода, а как социальный феномен и форма межпоколенной коммуникации, и еще — как нравственный императив человека, обязанного передать детям хотя бы минимум информации даже не столько о себе, сколько о своих родителях (семейная хроника)

К ресурсам автобиографического повествования (АП) мы относили *архив*, “*живую память*” и “*память других*”. Нормы АП резюмировались в трех “постулатах”: постулат *фиксации семейных корней*, постулат *внятности биографического текста* и постулат *ценности “истории жизни”*. Что касается *эффектов* АП, то выделялись *эффекты культурные, воспитательные и ауторефлексивные*.

2. В нашей нынешней постановке вопроса о *мотивации* автобиографических повествований будем различать мотивы *коммуникативные, самоутверждения и творческие*. В первом случае человек хочет “всего лишь” сообщить потомкам некоторую информацию о себе и то, что ему известно о предках. Это эстафета памяти, так сказать, “в чистом виде”. Далее, мотивы самоутверждения — это когда человек так или иначе заявляет посредством АП о своей социальной значимости (порой это используется как дополнительное средство достижения жизненного успеха). Третий случай — творческая самореализация *par excellence*. Какой-то из мотивов всегда приоритетен, но обычно дополняется элементами двух других.

3. *Формы* АП не изоморфны мотивам, хотя до известной степени обусловлены ими. “История жизни” может быть событийной, хроникальной по преимуществу (назовем это *автобиографическим очерком*), может быть эмоционально насыщенной (своего рода *биографическая лирика*), наконец, это может быть такой мемуар, в котором жизнь “главного героя” (субъекта биографии) предстает на фоне картин жизни других людей и — шире — общественной жизни. Этакий *биографический эпос*...

4. Однако к этому не сводится дифференциация форм АП. Уместно различать автобиографическое повествование как таковое, где формообразующим элементом выступают *воспоминания*, индивидуальная память, воплощенная в текст. В качестве формообразующих элементов могут выступать также *документы* (словесные или изобразительные, например, фотографии из семейного альбома) и даже *предметы* (например, фамильные ценности) или “памятные места”, дающие повод для автобиографического комментария («Мне все здесь на память приводит бывшее...»).

5. Что касается *роли* автобиографических повествований, то они как и всякая человеческая коммуникация предстают: (а) *актом общения* (межпоколенного, но и не только...), (б) *способом отображения* жизненной траектории и биографического контекста и (в) своего рода автопрезентацией — самовыражением, или *изъявлением себя*. То есть роль эта как минимум тройная. Здесь заслуживает специальной разработки проблема специфики “историй жизни” в каждой из названных ипостасей.

6. Все изложенные общие соображения и предложенные классификации в докладе подкрепляются примерами или иллюстрациями.

В заключение, отметим, что “эстафета памяти”, каковой может стать всякое автобиографическое повествование, есть социокультурный феномен фундаментального значения. Как замечал Д. С. Лихачев, “одна из величайших основ, на которых держится культура, — память”.

Елена Бабакова

Киевский Национальный университет им. Т. Шевченко, Киев

Инвентари имущества шляхты Речи Посполитой XVI-XVII веков как «миниатюрные биографии» Раннего Нового времени

Инвентарями имущества называют акты описательно-статистического характера частного происхождения, которые представляют собою описание недвижимости субъекта или всего комплекса личных вещей, и составлялись в случае смерти владельца, продажи собственности, ее раздела между наследниками, перехода в аренду

или под залог. Первые известные нам инвентари появились в Бургундии в середине XIV в., однако получили максимальное распространение в Европе и Североамериканских колониях лишь в XVIII- середине XIX вв. На территории Восточной Европы – в Речи Посполитой – составление инвентарей стало массовой практикой с 1640-х гг., до этого их появление носило скорее спорадический характер; в зависимости от региона и места владельца имущества в социальной иерархии, они носили название *inwenrarz meńia*, *regestr dobr*, *опис майна* или *список рухомості*. Идея рассмотрения инвентарей движимого имущества как «миниатюрных биографий» была выдвинута французскими исследователями материальной культуры в 1960-х гг. В тексте инвентарей зафиксирована детальная информация о вещах, которые окружали своего владельца в быту: одежде, украшениях, оружии, столовых приборах, мебели, произведениях искусства (стоит заметить, что категории упоминаемых вещей были типичны как для мелкой шляхты, так и для крупной магнатории, маестат владельцев прослеживался скорее по количеству и декорации упомянутых предметов). Эволюция формуляра инвентарей от простой переписи вещей к структурированному списку с выделением отдельных категорий в зависимости от материала изготовления или стоимости предметов, позволяет проследить как материальную, так и символическую ценность отдельных экземпляров для их владельца. Ценным источником для изучения жизненного пути шляхтича инвентари делают то, что практически всегда рядом с названиями предметов фигурируют имена их дарителей либо страна, откуда они были привезены, что позволяет проследить как личностные контакты владельца с родственниками, патроном/клиентами, монархом, церковью, так и его поездки по странам Западной Европы, на территории Османской империи и в пределах Речи Посполитой. Таким образом, инвентари предоставляют историкам информацию для реконструкции картины жизни представителей народа-шляхты, дополняя сведения официальных актов и хроник материалом частного характера, что позволяет более полно представить их биографию на фоне эпохи.

Наиля Бекжанова, Анна Жабрева, Наиля Сидоренко

Библиотека Российской Академии Наук (БАН), Санкт-Петербург

К проблеме библиографирования биографий

Мощная биографическая составляющая в современном документальном потоке делает актуальной задачу создания сводной ИПС, учитывающей биографии отечественных деятелей, опубликованные на определенный период времени в форме биографической справки или очерка.

В 50-е годы эта проблема была решена И.М.Кауфманом в рамках издания «Русские биографические и биобиблиографические словари», в настоящее время осуществляется в жанре путеводителя со всеми его достоинствами и недостатками (работы И.Ф.Петровской, Г.В.Головки).

С 1997 Справочно-библиографическим отделом Библиотеки Российской академии наук проводятся подготовительные работы по созданию БД «Русские биографические и биобиблиографические словари: 1956-2000». В рамках ее было решено учесть максимально полно справочные и подобные им издания, вышедшие на территории СССР, а затем РФ на русском языке, посвященные отечественным деятелям: 1. отдельно опубликованные биографические и биобиблиографические словари; 2. биографические и биобиблиографические словари, включенные в состав монографий, сборников; 3. сборники биографических очерков; 4. энциклопедии; 5. каталоги

выставок; 6. некрополи; 7. книги памяти. Основной массив предполагалось снабдить рядом вспомогательных поисковых входов.

В силу обстоятельств в настоящее время работа находит свое воплощение в аннотированном библиографическом указателе, который предполагается издать, на первом этапе, в печатном виде в конце 2008 года. На втором этапе будет решаться задача по созданию совокупного свода имен.

Борис Беленкин

НИИЦ «Мемориал», Москва

Духовные заместители (самозванцы, плуты, мистификаторы)

"Биографические манипуляции" как следствие "исчезновения вида": к вопросу о некоторых последствиях массовых политических репрессий против священнослужителей РПЦ в 1920-х - 1950-х гг. Несколько случаев.

Случаи, рассматриваемые в докладе:

1. **Михаил Поздеев** (1887–1971) – он же Вел. Князь Михаил Ал. Романов, он же епископ Серафим (Остроумов), он же и тот и другой в одном лице, он же (посмертно, по сей день) – епископ Серафим (Поздеев)-«патриарх Соловецкий», в миру Вел. Князь Михаил Александрович. Случай Поздеева – как *«чистый случай» самозванчества* в маргинальных слоях советского общества, в среде верующих РПЦ и ИПЦ (1920-е –1971-й гг.);
2. **Иеросхимонах Сампсон (Сиверс)** (1898–1979) – случай маргиналии в РПЦ: *автобиографическое мифотворчество* на службе священнослужителя, подвизающегося на ниве «старчества» (1950-70-е гг.);
3. **о. Павел (Троицкий): (1894–1944) или то же лицо (1894–1991)** – в 1920-е гг. послушник в Даниловом монастыре (Москва), там же принял постриг и рукоположен в иерея. Жизненный путь о. Павла в конце 20-х – в 30-е годы ничем не отличается от мученического пути тысяч иереев РПЦ. Последние годы на свободе о. Павел жил на полуправильном или нелегальном положении. В 1939 г. – арест, затем – Бутырская тюрьма, приговор – 8 лет... В конце 1960-х гг. между настоятелем московского храма Святителя Николы в Кузнецях о. Всеволодом (Шпиллером) и о. Павлом завязывается переписка. Переписка длится не менее пятнадцати лет, до самой смерти о. Всеволода (январь 1984). О. Павел становится фактически духовным наставником сперва о. Всеволода, а затем и ряда прихожан храма Святителя Николы, большинство из которых в течении 10–15 лет сами станут священниками. Ни один из духовных чад о. Павла его никогда не видел, все общение шло «путем взаимной переписки». Эпистолярное наследие о. Павла – не менее 400 писем. Роль почтальона с самого начала исполняла прихожанка храма **Агриппина Николаевна Истнюк (Кутомкина)...**

Все три случая автор доклада рассматривает как попытку «явочным порядком» восстановить порвавшуюся «связь времен» (связующую нить с насильственно уничтоженным прошлым), возродить утраченную, казалось бы, в православной духовности традицию.

Юлия Белозерова

СПбГУ, Санкт-Петербург

Биография личности или Личность в биографии в советской истории

Человек не выбирает родину, кто-то рождается в гражданском обществе, кто-то – в тоталитарной стране. Я хочу представить доклад о человеке, женщине, которая родилась при Сталине и впоследствии была вынуждена проходить настоящие испытания на территории не одной тоталитарной системы. Итак в докладе анализируется не столько биография информанта, сколько влияние знаковой персоны на ее биографию. Детство в СССР, школа, в то время смелая девочка поддерживала отношения с дочерью врага народа, искренне жалела ее, затем война, депортация, фашистский концлагерь, освобождение советскими войсками, возвращение домой, осуждение на 10 лет советских лагерей, клеймение «врагом народа». Уже перечисленный набор биографических данных дает возможность делать несветлые прогнозы по поводу дальнейших биографических данных, однако все произошло иначе.

Этот доклад носит светлый характер, поскольку я буду говорить о важности появления в жизни «обреченного тоталитарной системой» человека знаковой персоны. Несмотря на то, что заклеив человека, система сделала все, чтобы сделать его жизнь невыносимой, в данном случае знаковая персона сделала все, чтобы доказать ошибочность точки зрения тоталитарной системы относительно этого человека, женщины. И это удалось. После освобождения из советских лагерей произошла встреча с человеком, который впоследствии смог радикально изменить биографию информантки, биографию «врага народа» с постоянными увольнениями с работ, ощущением общественного презрения и собственной неполноценности на биографию честного советского человека, ранее ошибочно заклеянного.

Олег Божков

Социологический институт РАН, Санкт-Петербург

Советское и постсоветское в сознании сельских руководителей¹.

В течение двух лет во время летних социологических экспедиций было получено 90 глубоких интервью сельских руководителей (глав сельских администраций и руководителей хозяйств). И хотя в программе интервью не было прямого вопроса об отношении информантов к власти (как советской, так и нынешней), эти сюжеты непременно возникали в разговоре. Во-первых, в биографической части интервью, когда респонденты говорили о своем образовании, о начале трудового пути, а также о том, как жили в эпоху перестройки. Во-вторых, в экспертной части, где речь шла об их взаимоотношениях с районным руководством, об экономическом положении сельских округов и хозяйств. Здесь наши респонденты прибегали как к прямому, так и косвенному сравнению пережитых (и переживаемых) ими разных общественно политических укладов.

Представляемый доклад посвящен анализу именно этой темы.

¹ Доклад основан на материалах исследования, поддержанного РГНФ: гранты №№ 04-03-00367а, 05-03-18012е и 06-03-18006е.

Наталья Воробьева

Омский государственный университет, Омск

Патриарх Никон: от жития к научной биографии (к вопросу о моделировании историографического образа)

Историографический образ патриарха Никона восходит к его прижизненному образу, черты которого зафиксированы в источниках, но на наш взгляд окутан мифами и предельно упрощен. Традицию житийного почитания Патриарха Никона как великого угодника Божия положил келейник Патриарха Никона – И.К. Шушерин в «Известии о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России»².

Зарождение так называемой «традиции хуления» мы можем отнести уже к времени нахождения патриарха Никона в опале (идеи чувственного антихриста 1660-х). Главным мифом являются, на наш взгляд, представления о том, что патриарх Никон был реформатором Русской Православной Церкви и виновен в расколе церкви, а также переходящий из работы в работу тезис о «властолюбии», «папизме» патриарха Никона³. Впервые идея «вины» патриарха Никона за раскол высказана у его оппонентов Паисия Лигарида и протопopa Аввакума⁴: далее эта идея стала использоваться царской властью, так 21 декабря 1662 царь поручил боярину П.М. Салтыкову отобрать сказки и заручные росписи по вопросам, касающимся хозяйственной деятельности патриарха Никона. Царь признавал, что «ныне в народе многое размышление и соблазн, иных местах и **расколы**», при этом он напрямую связывал это с уходом Никона – таким образом, это первое официальное свидетельство о начинающемся расколе в русской православной церкви⁵.

Таким образом, свидетельства первых расколуучителей о церковной реформе как о главном деле патриарха Никона были приняты историками и положены в основу некоторых научных гипотез. Но реформ как таковых патриархе Никоне не было, при нем была церковно-обрядовая и книжная sprawy в унификационной, герменевтической части и тезис о «реформаторстве» Никона превращается, таким образом, в пропагандистско-риторический прием, используемый историками для ассоциации с лютеровско-

² Шушерин И. Житие Святейшего Патриарха Никона, писанное некоторым бывшим при нем клириком. СПб., 1784 - первое издание О.П. Козодавлева со списка Иверского монастыря; СПб.: Акад. наук, 1817.; 2-е изд.; М. 1874; 4-е изд.; М., 1908; 5-е изд.: Настоятель Воскресенского монастыря архимандрит Леонид (Кавелин) подготовил первое научное издание, «Известия о житии...», сверенное по разным спискам, с приведением разночтений, это издание 1871 г., переиздается с тех пор без изменений. За последние несколько лет изданы четыре редакции жизнеописания Патриарха Никона на русском языке, подробные материалы к летописи его жизни и деятельности - Севастьянова С. К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности Патриарха Никона». СПб., 2003., Правда о Патриархе. М., 2002. Новоиерусалимский. Никон, милостью Божией Патриарх: Жизнь. Подвиги. Наследие / Автор-сост. С.М. Дорошенко. М., 2006., увидели свет в Издательстве Московского университета труды Патриарха Никона Патриарх Никон. Труды / Автор-сост. В.В. Шмидт. М.: МГУ, 2004. 1264 с., описания трех основанных им монастырей См. например: Кийский Крест Патриарха Никона. М., 2000. Зеленская Г. М. Никоновские чтения в музее "Новый Иерусалим". М., 2002. Черненилова Л.М. Ново-Иерусалимский монастырь. М., 2003.

³ См. например: Соловьев С. М. История России с древнейших времен: Сочинения в 18 книгах. Кн. V - VI. Т. 11-12. М.: Мысль, 1990-1991. Макарий (Булгаков). История русской церкви. Т. XII. Кн.3.: Патриаршество в России. СПб., 1883; М., 1996. Кн. 7. С. 299-301. Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. VIII. М., 1988. С. 152-157, 180.

⁴ История о соборе 1666-1667 гг. против Никона и староверов, написанная Паисием Лигаридом // Собр. Н.П. Румянцева (Ф. 256) и В.М. Ундольского (Ф. 310) РГБ. Житие протопopa Аввакума, им написанное, и другие его сочинения. Архангельск, 1991.

⁵ РГАДА, ф. 27, оп.1, д. 140, ч.3.

кальвинистской традицией.

Татьяна Воронина

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Центр устной истории

Быть героем своей страны: Советский героический дискурс в контексте биографических интервью

Доклад основан на наблюдениях от работы двух проектов, посвященных разным сюжетам советской истории: блокаде Ленинграда и строительству БАМа.

Не секрет, что до последнего времени практически любой сюжет в советской истории презентовался в контексте героического понимания. Впрочем, ситуация не слишком изменилась и в настоящее время. Риторика современных политиков пресыщена героическими идиомами, что свидетельствует о том, что героизм как элемент современной культуры, востребован. Героическим в СССР было все или почти все: войны, стройки, будни, усилия, люди. О негероическом в истории не говорилось. Причиной тому, по мнению С.Б. Адоньева, является тот факт, что «героизм обеспечивал императив общественного служения», в результате которого «самопожертвование во имя социальных благ становится не идеалом, а нормой». Поэтому героическое понимание истории/события выгодно с одной стороны государству, с другой - части социума, которое в обмен на признание героической интерпретации получает свои бонусы (как то престижный статус, идентичность, льготы и т.п.) В то время как негероическая интерпретация ставит вопросы об ответственности и обязательствах властей или людей за те или иные события.

Понимание героического в официальной интерпретации почти всегда одинаково и подразумевает (вне зависимости от того, кто в том или иной случае назван героем) долг человека перед государством. Особенно выпукло это представлено в системе государственных наград.

Такое понимание прошлого накладывает отпечаток на личные воспоминания.

Героизация прошлого заметно упрощает его понимание, она заставляет выкристаллизовывать свои наблюдения, выделяя в них наиболее подходящие и предавая забвению остальные. Поэтому некоторые информанты, для того чтобы соответствовать героическому статусу, вынуждены искать в своем прошлом «героические» поступки. (Этот вариант встречался в интервью с блокадниками младшего поколения, пережившими блокаду в детстве). В результате, весь текст биографического интервью формируется под влиянием этого героического концепта. Другой способ презентации себя в контексте признаваемой «героической» истории – это ее отрицание. Довольно подробно об этом, в частности, в работе А. Томсона «Легенда об АЗНАКе». И в такого рода интервью тема «героического» - одна из центральных в повествовании, с той лишь разницей, что информант полемизирует с принятыми представлениями. Отбор рассказанных сюжетов, в этой связи, происходит в контексте оспаривания признанной версии героизма, но и в этом случае, «героическое» влияет на структуру рассказа о себе.

Наиболее часто встречаемые мне интервью не попадают в названные категории.

Героический концепт, столь актуальный для официальных текстов, если и присутствует, то кардинально не определяет взгляда на событие. Для многих информантов, бывших очевидцев «героических событий», воспоминания о себе подчиняются иным схемам, нежели «герой- не герой». В этих рассказах героическому может и не быть места вовсе. А если и есть, то в другом, нежели принято в официальной интерпретации, смысле: под героическим понимаются совсем иные поступки и события (существуют разные интерпретации личного героизма, разные интерпретации долга и т.п.).

Таким образом, концепт героизма и героического влияет на рассказ о событии. Так же как и в идеологии, в биографических интервью, он имеет разные применения, но в отличие от идеологии – у него значительно больше интерпретаций. В биографических интервью есть устойчивые стратегии рассказа о героическом. Рассказ о героическом может быть как выгоден государству и тому или иному сообществу, так и не выгоден. И, соответственно, героизм государства может противоречить героизму сообщества, у которого может быть другое не сей счет мнение.

Гришанин Пётр Иванович

Пятигорский государственный лингвистический университет

Некоторые методологические аспекты при работе с биографическими источниками

Уникальность того или иного исторического события или явления определяется степенью его «вписанности» в процесс исторического развития. С этой точки зрения история Гражданской войны в России еще долгое время будет предметом жарких споров и многочисленных дискуссий как зарубежных, так и отечественных историков. Так как факт является историческим в той мере, в какой он осмыслен, и так как ничто не существует вне мысли, вопрос, какие факты являются историческими, а какие нет, не имеет смысла. В этой связи логического критерия отбора документов автобиографического происхождения при изучении Гражданской войны не существует. Критерий состоит в самом отборе, обусловленном, как любое экономическое предприятие, знанием ситуации, практическими и научными нуждами определенного момента. Эти практические соображения нельзя считать объективным качеством фактов. Их разделение на «достойные» и «не достойные» войти в историю, на «исторические» и «неисторические» - это дело воображения исследователя, его лексики и риторики.

В истории Гражданской войны есть проблемы, но нет проблемы выбора между двумя или многими фактами. Незначительные факты – это тоже факты, вернее следы фактов, сведений, документов и памятников, которые следует рассматривать как отдельный класс. Факты же неисторические (или не осмысленные), если поставить рядом с историческими (осмысленными) фактами, позволят более глубоко исследовать те или иные аспекты Гражданской войны. Последнее обстоятельство особенно важно с учетом тематической специфики почти всех документов автобиографического происхождения. Современный уровень развития отечественной исторической науки характеризуется разработкой нового источниковедческого инструментария, использование которого позволит обогатить изучение Гражданской войны новыми открытиями не только фактологического, но и методологического характера.

Своеобразную триаду базовых средств анализа документальных материалов по истории Гражданской войны составляют: 1. количественный контент-анализ; 2. качественный контент-анализ; 3. ивент-анализ; 4. когнитивное картирование.

Использование этих методов позволяет поднять изучение истории Гражданской войны до уровня моделирования политических, экономических и социальных процессов в России 1917–1920 гг. В зависимости от целей и задач исследования можно построить три класса моделей: 1. содержательные; 2. формализованные; 3. квантифицированные.

Только совокупность таких подходов позволит разобраться в сложных перипетиях Гражданской войны и тем самым приблизиться к пониманию особенностей данного феномена российской государственности.

Севи́ль Гусейнова

Институт Философии и Политико-Правовых исследований АН Азербайджана, Баку
История жизни лидера в контексте коллективной биографии сельской общины

В процессе Карабахского конфликта между Азербайджаном и Арменией сложилась ситуация «постимперских этноразъединительных процессов» (Роджерс Брубейкер). В ситуации массовых насильственных депортаций населения, имела место гражданская инициатива отдельных сельских общин, которая позволила их жителям избежать ужасов жесткой депортации.

Жителям ряда деревень удалось (путем совместного принятия решения и его коллективной реализации) в некоторых случаях добиться бесконфликтного обмена (одной деревни на другую). Данный доклад составлен по результатам исследования одной из таких деревень в Азербайджане (прежде населенное армянами селение Керкендж), которое проводилось в русле совместного Азербайджанско - Армянского проекта финансируемого Южно-кавказским отделением фонда им. Генриха Белля. Основным методом исследования был метод биографического интервью.

Данный кейс демонстрирует специфику коллективной биографии сельской общины. Все важные решения принимались путем всеобщего плебисцита и реализовывались через совместные, наиболее мобильных членов общины, действия. В пространстве весьма жестко структурированной общины ярко проявляется факт того, что «индивидуальные воспоминания суть социальный феномен» (Ян Ассман). Наиболее значимые факты биографии отдельных представителей общины реконструируются в пространстве коллективной памяти о совместных действиях. Установка на позиционирование себя в границах общины отражается и в понимании главной цели произведенного коллективного обмена - сохранение единства общины на новом месте расселения.

Вместе с тем, установка на придание смысла личной биографии в контексте всей общины не является препятствием для конструирования образа лидера (или даже ряда лидеров) без которого обмен и сохранение единства общины представляются невозможными. Однако, в образах лидера и в его собственной версии биографии поразному актуализируются события обмена. Волевой, в определенном смысле авторитарный образ, совмещающий в себе формальные и неформальные признаки лидерства, сосуществует рядом с его, лидера, личной версией биографии, в которой он чаще подчиняется воле общины, нежели подчиняет ее себе. Таким образом, выстраиваются непротиворечивые версии памяти, позволяющие, как жестко структурировать общину вертикально, так и поддерживать ее границы, в пространстве которых все члены сообщества равны.

Станислав Дудкин

ННГУ им. Н.И.Ломоносова, Музей НИИ измерительных систем им. Ю.Е.Седакова,
Нижний Новгород

Специфика биографии физика-атомщика: уход от мира и возвращение в мир

Рассматривая историю отечественной науки второй половины XX века, мы неоднократно сталкиваемся с феноменом «белых пятен» в биографиях ведущих советских ученых (И.Е. Тамм, Л.Д. Ландау и др.), а также с «исчезновением» из научной жизни значительного количества специалистов и талантливых студентов. Многие из них вновь появляются на научном небосклоне в зрелом возрасте, увенчанные академическими степенями и высокими государственными наградами

(такова биография академика А.Д. Сахарова). О других мы узнаем из публикаций последнего времени, описывающих историю разработок советского атомного оружия. В советский период можно было предполагать самые разные трактовки подобных «белых пятен» биографии, однако уже к середине 1970-х гг. в устной истории высвечивается реальная причина подобной «информационной блокады» - участие в реализации Советского атомного проекта. Но в открытых публикациях авторы воспоминаний продолжают использовать «эзопов язык» намеков и недомолвок. Подобные примеры указывают на существование серьезных режимных требований. Попадая на «белый архипелаг МСМ»¹, человек полностью исчезал из «внешнего мира». Временами режимные требования устрожались, временами смягчались. Однако никогда не отменялись.

Возврат специалистов-атомщиков в научное сообщество страны первоначально был осложнен незнанием большинством коллег специфики их работы. Однако уже к середине 1960х гг., в связи с решением принципиальных вопросов атомной физики и техническим воплощением наиболее действенных образцов оружия, мы можем наблюдать рост интереса к теоретическим вопросам физики – астрофизике, космологии и т.п. Начинается уход из «закрытых» тематик ведущих ученых, их возвращение в открытую науку. В этот момент в биографиях известных физиков появляются «белые пятна», связанные с работой над Советским атомным проектом.

Однако в Атомном проекте были задействованы не только выдающиеся физики-теоретики, но и огромный коллектив ученых, специалистов и рабочих высокой квалификации. Именно с их попытками прорвать информационную блокаду, оставить письменные свидетельства о себе и своей жизни связан «мемуарный бум» последних лет – многочисленные публикации различных воспоминаний по истории Советского атомного проекта, историко-архивная работа над документами начала проекта, нашедшая свое отражение в издании многочисленных сборников документов.

Ирина Ключева

Мордовский Государственный Университет, кафедра культурологи, Саранск

Биография Степана Эрзы как научная проблема

Известный скульптор Степан Эрзя (1976–1959) на протяжении длительного времени притягивал внимание массовой аудитории и исследователей прежде всего как культурный, а не художественный феномен. Путь мастера был долгим, трудным и необыкновенно ярким, насыщенным подлинным драматизмом, полным удивительных событий, встреч с выдающимися современниками. Поэтому неудивительно, что в огромном массиве написанного о нем основное место занимают различные интерпретации жизненного и творческого пути или чаще – просто перечисление событий его жизни. Это касается не только подавляющего большинства публикаций в прессе – дореволюционной русской, европейской, советской и постсоветской, латиноамериканской – но и книг, не говоря уже о посвященной ему мемуаристике. Однако представление о том, что биография – наиболее изученный аспект феномена Эрзы, не соответствует действительности: до сих пор не существует его научной биографии. Усилиями ряда исследователей собран важный материал по отдельным периодам жизни и творчества Эрзы, но мозаика не собрана в целое. Даже фактическая канва жизни скульптора по-настоящему не выстроена. Все издания биографического характера написаны в виде очерков, эссе, мемуаров, романов, повестей, приведенные в них данные не прошли процедуры строгой научной верификации, показательное отсутствие комментариев при их публикации. Возникает бесконечная путаница в

фактах, имя мастера обрастает легендами, апокрифами. Разночтения касаются даже дат рождения и смерти художника, года отъезда его в Европу и т.д. До сих пор крайне мало известно об аргентинском периоде (24 года!) жизни Эрзы, о его творческих связях в этой стране. Нет достоверного, подробного освещения последнего, московского периода его жизни (9 лет!). Для создания полной научной синтетической биографии Эрзы необходимо как экстенсивное описание всего, что связано с его жизнью (восстановление более или менее полной хронологической канвы жизни и творчества), так и понимание этой жизни, постижение ее смысла, что, в свою очередь, невозможно без исторической реконструкции биографии. Историчность предполагает вписывание жизненного и творческого пути мастера в сложную историю культуры эпохи. Важное место здесь занимает выявление его круга общения (это пока одно из наиболее слабых мест в эрзеведении).

(Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 06-04-00574а.)

Борис Колоницкий

Институт истории РАН, Санкт-Петербург

Шпиономания как потребность: Дело Мясоедова в общественном сознании

В 1915 году военный суд признал подполковника С.Н.Мясоедова виновным в шпионаже и мародерстве в военное время. Мясоедов был повешен. Последовали аресты родственников Мясоедова, его друзей, деловых партнеров. Некоторые из них также были казнены.

«Дело Мясоедова» стало предметом специального изучения. В 1967 была опубликована статья К.Ф.Шацилло. Историк показал, что вина Мясоедова не была доказана, его «дело» было сфабриковано офицерами военной контрразведки. Современный американский исследователь У.Фуллер, расширив источниковую базу исследования, подтвердил выводы К.Ф.Шацилло.

Мы попытаемся рассмотреть вопрос о том как общественное сознание воспринимало «дело Мясоедова». В качестве основного источника используются материалы цензуры. Не все современники разделяли уверенность в виновности лиц, казненных и оказавшихся под стражей. Однако большая часть общественного мнения одобряла казнь Мясоедова.

Информация об арестах сразу же использовалась различными политическими силами. В этом отношении особый интерес представляет письмо А.Ф.Керенского председателю Государственной думы М.В.Родзянко. Лидер трудовиков использовал «дело Мясоедова» для обвинения в измене чинов Министерства внутренних дел. Это обвинение находило отзвук в общественном сознании.

Однако слухи, распространявшиеся в монархических кругах, представляли не меньшую опасность для режима. Эти слухи «расширяли» круг обвиняемых, включая в него весьма высокопоставленных лиц. Прежде всего «дело Мясоедова» представляло опасность для военного министра генерала В.А.Сухомлинова. С именем казненного офицера связывалась даже смерть С.Ю.Витте.

Имя казненного офицера стало нарицательным, появляется термин «мясоедовщина». Он активно использовался и левыми, и правыми. Одни «объясняли» предательство Мясоедова его жандармским прошлым, другие – женитьбой на еврейке. Это предопределяло различные сценарии конструирования «мясоедовщины» в общественном сознании. Но люди самых разных взглядов были объединены верой в возможность существования измены «в верхах».

Память о «предательстве» Мясоедова продолжала оставаться важным фактором общественного сознания, влиявшим на события 1917 года. «Дело Мясоедова» пробуждало в самых различных политических кругах представление об «измене верхов», создавая тем самым необходимые условия для Февраля.

Александр Коновалов

Кемеровский государственный университет, кафедра политических наук, Кемерово
Региональная номенклатурная биографика: проблемы и перспективы изучения

В современной отечественной историографии наблюдается устойчивый интерес к реконструкции биографий региональных партийно-советских лидеров, председателей совнархозов, других должностных категорий, обладавших наибольший «индекс власти». Видовой и количественный перечень имеющихся публикаций столь значителен, что побуждает к необходимости его внутреннего структурирования. В числе распространенных форм представления биографического материала следует назвать: региональные и городские энциклопедии и словари; справочники по истории органов власти и управления; монографические исследования, посвященные региональным лидерам; материалы научно-справочного аппарата в сборниках архивных документов. В последние годы все большее распространение получает электронная информация на биографических сайтах. Их администраторы по принципу составления «лоскутного одеяла» стремятся активизировать работу региональных исследователей. Требуется не только составление персональных списков руководителей в хронологической последовательности, но и предоставление подробных биографических данных.

Таким образом, в настоящее время формируется тенденция развития «номенклатурной биографики» как отдельного жанра историко-биографических исследований. Значительные по объему и содержанию работы опубликованы в Твери (С.Н. Корсаков), Свердловске (А.В. Сушков), Барнауле (В.В. Сорокин), Кемерово (А.Б. Коновалов), Иркутске (В.Н. Казарин), Новосибирске (О.Н. Калинина), Благовещенске (Е.В. Буянов), Южно-Сахалинске (Н.И. Колесников), Краснодаре (В.Н. Салошенко) и целом ряде других городов. Силами архивистов подготовлены документальные исследования о первых лицах регионов в Калининграде, Кургане, Красноярске, Хабаровске, Горно-Алтайске.

Перспективы «номенклатурной биографики» как жанра напрямую связаны со становлением исследовательских центров региональной истории, обеспечением доступа историков к документам, содержащим персональную информацию, систематизацией и информатизацией уже введенных в научный оборот источников. Настоятельно требуется разрешить правовое противоречие, состоящее, с одной стороны, в праве граждан на сохранение персональных данных, а с другой, в праве ученых на доступ к информации. Выход видится в необходимости введения письменных обязательств, согласно которым исследователь будет нести ответственность за распространение сведений, содержащих тайну личной жизни бывших партийно-советских функционеров. Это позволит ввести в научный оборот значительный потенциал информации, содержащейся в личных делах региональных номенклатурных работников. Важным рубежом исследований в данном направлении станет подготовка биографического справочника «Региональные руководители РСФСР. 1917–1991 гг.»

Екатерина Косякова

Новосибирский государственный аграрный университет, Новосибирск

Об источниках изучения биографий пригородных крестьян 1920-х годов

Тема этого доклада вписывается в рамки исследования, посвященного изучению взаимодействия жителей пригородной деревни Усть-Иня и города Новосибирска, к которому этот населенный пункт был присоединен в 1929. Крестьяне Усть-Ини, живя в непосредственной близости к городу, свободно пользовались удобствами его инфраструктуры, многие перенимали городской образ жизни, однако в деревне имела группа традиционалистов, воспринимавших перспективу слияния Усть-Ини с городом резко отрицательно. В задачи исследования входит выяснение причин такого отношения крестьян к городу, а также специфичных путей их интеграции в городское сообщество. В самом широком смысле нас интересует проблема маргинализации пригородного населения, вызванная урбанизацией и восприятие этих процессов людьми, попадающими под их влияние.

В числе методов данного исследования важное место занимает биографический. Понять позицию отдельных групп населения одной деревни нельзя, не выяснив, кто именно является сторонником той или иной позиции. Иначе говоря, данное исследование предполагает реконструкцию биографий усть-инских крестьян, выявление их формальных и неформальных социальных связей как внутри деревни, так и за ее пределами. Получить исчерпывающую информацию о жителях деревни в 1920-х гг. не представляется возможным. Однако, на наш взгляд, перспективно сочетать в целях данного исследования как традиционные письменные источники (документы ЗАГСА, сельсовета и волостного исполкома), так и устные источники (аудиозаписи интервью с потомками крестьян Усть-Ини). Память о близких людях, выраженная в семейных рассказах, как и официальная документация, не отличается безупречно точным отражением фактов. С одной стороны источники разных типов позволяют соотносить и перепроверять данные, которые подчас сильно разнятся. С другой стороны, письменные свидетельства содержат биографические сведения, о которых уже никто не помнит, а устные источники позволяют судить о личности крестьян. Реконструкция переплетений биографий этих людей – трудоемкая и длительная работа, позволяющая, однако, увидеть в итоге личность, с ее уникальной судьбой и своеобразной жизненной позицией, которая может входить в противоречия с глобальными и необратимыми изменениями окружающей действительности.

Андрей Кручинин

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Москва

Обаяние мифа: Достоверное и фантастическое в очерке генерала П.И. Аверьянова о генерале Я.А. Слащове-Крымском

Личность генерала Я.А. Слащова (1885–1929), в 1920 за выдающиеся заслуги получившего от барона П.Н. Врангеля почетное право именоваться «Слащовым-Крымским», не раз привлекала внимание историков, мемуаристов, литераторов. Одним из наиболее востребованных ныне источников о нем является биографический очерк генерала П.И. Аверьянова, написанный в эмиграции в 1929. В то же время в ходе анализа этого очерка, чаще всего воспринимающегося некритически, неизбежно возникает ряд серьезных вопросов.

Прежде всего, автор в сущности не смог указать свой основной источник информации, смешав двух офицеров, служивших вместе со Слащовым, — *Фролова* и *Флорова*, что

само по себе вызывает удивление; при внимательном прочтении заметна и тенденциозность генерала Аверьянова.

Сам принадлежа к тем заслуженным и опытным военным, которые фактически не нашли себе места в рядах Белого движения (он состоял «в распоряжении Главнокомандующего»), Аверьянов, подчеркивая, что Слащов руководствовался в воспитании своих войск традициями регулярной армии, решительно противопоставляет их «добровольческой» практике и при этом допускает легко опровергаемые ошибки. Но если такая тенденция объяснима, исходя из упомянутых обстоятельств биографии автора очерка, ряд других утверждений можно отнести лишь на счет обаяния героической легенды, которая окружала генерала Слащова-Крымского. Нарисованные Аверьяновым картины высадки десанта под командованием Слащова или его «любимого способа ведения боя» противоречат не только реалиям тогдашней обстановки, но и попросту здравому смыслу; на этом фоне меркнут даже явно легендарные рассказы о бесшабашном, но справедливом военачальнике, герое сражений и офицерских пирушек, осуществлявшем ответственные боевые операции едва ли не «на спор». В причудливом переплетении с фактами, выглядящими вполне достоверными, они создают неповторимый образ, анализ которого характеризует самого автора и пути тогдашнего «военного мифотворчества» не в меньшей степени, чем героя этих мифов.

Никита Кузнецов

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Москва

Колчаковские офицеры – видные деятели советской науки и техники

После окончания Гражданской войны в России, на ее территории осталось значительное количество участников Белого движения. Большинство из них в разное время подверглось репрессиям. Однако, некоторым из офицеров, участвовавших в антибольшевистской борьбе, удалось продолжить работу по специальности и достичь значительных профессиональных успехов уже в советское время.

В настоящей работе нам хотелось бы рассказать о малоизвестных страницах биографий нескольких ученых, которых объединяет принадлежность в дореволюционный период к Российскому флоту, а также служба в рядах вооруженных сил Всероссийского правительства адмирала А.В. Колчака в период 1918 – 1920 гг.

Николай Николаевич Зубов (1885 – 1960). Окончил Морской корпус в 1904 г., принимал участие в Русско-японской и Первой Мировой войнах. В период Гражданской войны командовал дивизионом бронепоездов 7-ой Уральской дивизии горных стрелков (затем – 3-го Уральского армейского корпуса). В советское время продолжил службу в составе военно-морского флота, дослужившись до звания инженер-контр-адмирала (1945 г.). Был видным советским океанологом, заведовал кафедрой океанологии географического факультета МГУ.

Николай Иванович Евгенов (1888 – 1964). Окончил Морской корпус в 1909 г. Участвовал в Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана (1913 – 1915 гг.), Первой Мировой войне. В Белом движении исполнял должность начальника Геодезического отделения Гидрографического управления Морского министерства. Был арестован вместе с А.В. Колчаком в январе 1920 г. В советское время стал видным океанографом, исследователем Арктики. В 1933 – 1938 гг. был заместителем начальника Гидрографического управления Главсевморпути.

Сергей Дмитриевич Лаппо (1895 – 1972). Окончил Морской корпус в 1916 г. В Белом движении служил в составе Отдельного морского учебного батальона, активно

принимал участие в боевых действиях. После 1920 г. занимался полярными исследованиями, работал в Арктическом научно-исследовательском институте. Доктор наук, автор 72 работ.

Виктор Петрович Вологдин (1883 – 1950). Учился в Морском инженерном училище, но не окончил его. В 1914 году вернулся на службу в Морское ведомство. В Белом движении служил в Народной армии Комитета членов Учредительного собрания, затем – в Морском министерстве правительства Адмирала А.В. Колчака, получив чин инженера-механика-капитана 2 ранга и ряд боевых наград. В советский период стал одним из основоположников применения электросварки в судостроении.

Мария Мацкевич

Социологический институт РАН, Санкт-Петербург

Галина Старовойтова: социальная память (на примере репрезентативных опросов в Санкт-Петербурге и Самаре)

В 2003 году сотрудники Центра изучения социальных процессов (руководитель – Л.Кесельман), в рамках проекта по изучению социальной памяти, провели исследование памяти о Галине Старовойтовой. Данные были получены по специально разработанной программе совместно с Самарским Фондом социальных исследований (руководитель В.Звоновский) методом делегированного наблюдения на репрезентативных выборках в каждом из городов (около 10000 единиц наблюдения – в Петербурге и 3000 – в Самаре).

Г.Старовойтова, погибшая за пять лет до начала исследования (в 1998 г.), безусловно, присутствовала в социальной жизни и имела достаточно высокий авторитет.

Имя Г.Старовойтовой ничего не говорило лишь **4,4%** (в Самаре – 12%) ее земляков; **8,4%** связывали с ее именем нечто не очень определенное (в Самаре – 19,23%).

Остальные – **87,2% (в Самаре – 68%)** - как минимум, знали о том, что Г.Старовойтова представляла Петербург в Государственной Думе.

Хотя память об этом человеке в Петербурге заметно шире, самарские данные убедительно свидетельствуют, что Г.Старовойтова - не исключительно местный, петербургский феномен.

Память о Г.Старовойтовой различается не только в зависимости от города, но зависит и от ряда других обстоятельств, среди которых заметную роль играет возраст, или принадлежность к определенному поколению. Отсутствие собственного опыта наблюдения за политическим лидером, ограниченность межпоколенных информационных потоков приводит к заметному сужению памяти об этом лидере среди тех, чья гражданская социализация происходила после гибели Г.Старовойтовой. Однако заметно меньше, чем в среднем, помнят Г.Старовойтову не только самые молодые, но и самые пожилые. По-видимому, дело не столько в возрасте, сколько в принадлежности к поколению. Для Г.Старовойтовой «своим» поколением были ее сверстники (родившиеся в 40-е гг. XX в.), и именно среди тех, кому в 2003 г. было между 50 и 60, мы обнаружили наиболее широкую память о ней - как в Петербурге, так и в Самаре.

Так как память о человеке лучше всего сохраняется в среде наиболее близкой ему в физическом (в Петербурге лучше, чем Самаре) и социальном (в близких поколенческих когортах, лучше, чем в отдаленных) пространстве, естественно было бы предположить, что память о нем среди идейно и политически «близких» сохраняется лучше, чем среди политически более «чуждых». Однако эта гипотеза не подтвердилась. Но подтвердилась другая: живущие в «политизированном» пространстве связаны друг с

другом теснее, чем сумевшие вывести свое сознание из пространства предлагаемых публике политических смыслов и символов.

Петр Мицнер

Университет Кардинала Ст. Вышиньского; журнал «Новая Польша», Варшава

Автобиография в экстремальной ситуации: Дневник Януша Корчака

1. Обстоятельства создания «Дневника» (1942, Варшава, гетто, Дом Сирот, операция по ликвидации).
2. Текст «Дневника» – борьба автобиографии с ежедневником, хаотично вмешивающиеся рассказы (притчи). Читатель ищет принцип организации, гармонию.
3. Ключевые события: театральное представление «Почта» и поливка герани.
4. Религиозные опыты Корчака и его воспитанников. Попытка поиска дистанции от происшествий. Чувство юмора.
5. Культурные установки в «Дневнике». Уроки Корчака. Будоражащие высказывания (о немцах, евреях, эвтаназии).
6. Литературный метод Корчака или Можно ли читать «Дневник» без комментариев?

Александр Окунь

Самарский государственный университет, кафедра зарубежной истории, Самара

А.Невинс и искусство биографии (Биографический жанр в американской историографии XX века)

Биографический жанр является одним из самых популярных в американской историографии. Для романтического направления в исторической науке XIX в. было характерно в значительной степени отождествление истории и биографии. История нации рассматривалась как ее биография, подобно отдельной личности, каждый народ имел свое предназначение, судьбу (Manifest of Destiny), проживал жизнь от юности до старости, обладал своим характером. Раскрытие этого характера, под влиянием Карлейля, осуществлялось посредством изучения биографий наиболее выдающихся представителей данного народа (героев).

Становление «научной истории» в начале XX в. кардинальным образом изменило место и роль биографического жанра в американской историографии, превратило его в самостоятельное и крайне популярное направление исторического исследования. Немалая заслуга в этом принадлежала А. Невинсу (1890-1971), одному из крупнейших американских историков XX в. Невинс занимал совершенно особое место среди американских историков, как по своей карьере, так и по методологии исследования. Он не принадлежал ни к одному из направлений, считался основателем американской школы изучения истории бизнеса, при этом являлся авторитетнейшим биографом, перу которого принадлежат признанные классическими работы этого жанра (он дважды лауреат Пулитцеровской премии за лучшую биографию). Невинс рассматривал биографию как синтетический жанр, требующий навыков историка, социолога, психолога и таланта литератора. По его мнению, существует три типа или три уровня биографического исследования: детальная, интерпретативная история личности; изучение жизни и творчества и изучение личности на фоне эпохи, внутри своего времени и пространства. В любом случае биография, по Невинсу, это исследование характера в различных его проявлениях. Сам он успешно реализовывал эти принципы в

своих биографических работах, после и в немалой степени под влиянием которых биография в американской науке стала полем для междисциплинарных исследований.

Сергей Панов, Сергей Ивашкин

Российский институт культурологии, Москва

Теле-спектро-графия запаха в автобиографической прозе А.Ахматовой

Ахматова определяет свои воспоминания как книгу, «которую я никогда не напишу» [1,С.252], о том, что «попросту не существует» [1,С.253]. Горизонт воспоминаний явлен: невозможность описания эпохи, сквозь которое «я сама вижу так много, что оно совершенно стирает самые слова» [1,С.253]. Автобиография – не репродукция прошлого, а его сотворение, прописывание следа различия вне всякой надежды на завершённую цельность авторской «личности», прожитой эпохи, литературных результатов. Память о следе прочитывается как след самой памяти – запретной и невозможной. Автобиографическая проза поэта – невозможный и – адекватно мере невозможности – притягательный довесок к поэтическому письму, бесконечная «самостирающаяся» сноска к тексту.

Пропись новых маршрутов метафорического мышления – неотъемлемое достижение постсимволистской эпохи русской поэзии. Связано это с тем, что звучность классического логоса – пушкинский «лиры нежный глас» - уменьшается - словно подводкой тумблера радиоприемника на нулевую отметку. «Еле слышный шелест шагов» - напишет о Пушкине Ахматова. В акмеистском письме поэзия становится «аппаратом», транспортирующим эхо голоса, отстоявшегося до ужасающего и смехотворного безумия буквы, следа.

Очевидно, что запах – предельная непредставимость следа памяти. Не только потому, что обоняние в силу особенностей человеческой восприимчивости исключено из разного воспроизводства визуальных или слуховых впечатлений: обонятельный след напрочь отказывает в попытке наречь его образом, поскольку образ – законченная непрерывность экстенсивной (зримое) или полуэкстенсивной (звук) величины. Запах же – прерывная интенсивность, само время следа и след времени. Памятуя о том, что ахматовский императив памяти – прерывность: «Непрерывность – тоже обман» [1, С.254], можно определить ее автобиографическую прозу как концептуальное письмо, только в подтексте диктующее необъяснимые правила чтения. Ахматовская память – «слепоглухонемое» [1, С. 242], идущее ощупью и на запах письмо. Именно поэтому предмета у памяти нет: запахи Павловского вокзала (дым паровозика и ароматы парка, запах паркетной мастики и парикмахерской, запахи земляники, резеды и розы, запах сигары и ресторана) вовсе не призваны воскресить для читателя некий «достоверный» образ Павловска той эпохи или субъективный хронотоп авторского восприятия – они дают прикоснуться к неприкосновенному, обонять необоняемое, почувствовать «холодок настоящей свободы» - абсолютную утрату языка, стирающего самое себя в поэтической реплике. Автобиографический набросок – такая же реплика, диктующая своей собственной складкой запрет на возвращение языкового насилия [1,С.242]. Боязнь стереть языковой репродукцией «все, что я ясно вижу сейчас» [1,С.242] прописана пробелом невыносимого молчания следа. Автобиографическое письмо Ахматовой – телеграф запаха, перевод непереводаемой идиомы, невозможный и запретный посыл абсолютно непредставимого пробела. Запахи-пробелы Петербурга (запахи лестниц, блинов на Масляной, грибов и постного масла, невской корюшки и стряпни, и, наконец – кошек) [1,С.249] окончательно рассыпают шрифт «петербургского» текста в русской поэзии, который не иначе, как барельефно-застывшим Элизиумом теней, недвижимым памятни-

ком-саркофагом, торжеством неизменного камня до этого и не мыслился. Пробел запаха прописывает не время Петербурга, а Петербург времени. Для Ахматовой запах всегда во множественном числе: пробел запаха – несводимо множественный следовый спектр, незримый призрак невозстановимого отсутствия. Теле-авто-био-спектро-графия запаха – это еще и всегда канун авторства в невозможности присвоения судьбы, бесконечное расслоение «призракового» подтекста, зияние безмерной глубины пробела никогда недописываемой биографии.

[1]. Ахматова А. А. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М.: «Художественная литература», 1987.

Анджей Пачковский

Институт политических исследований ПАН; Коллегиум цивитас, Варшава
Три лица Юзефа Святло: К истории еврейских коммунистов в Польше

Коммунизм как одна из возможностей для еврейской молодежи в Польше в 1929-1933. Молодые коммунисты, избежавшие Холокост в Советском Союзе.

Их возвращение в Польшу в 1944-1945 в качестве группы доверия, их место в системе власти.

Измена коммунизму, «зараженному» национализмом: выезд из Польши, отход от коммунизма, при сохранении левых взглядов.

Исаак Флайшфарб (р. 1915) – молодой коммунистический деятель; интернированный (1940, Унженский лагерь в Горьковской области); солдат польской Берлинга, сформированной в СССР; завербован в органы безопасности, новое имя («второе лицо») – Юзеф Святло.

Один из главных польских «чекистов».

Побег на Запад в декабре 1953; участие в антикоммунистических пропагандистских кампаниях, свидетельства Святло как важный импульс в процессе польской «оттепели».

Анонимная жизнь в Соединенных Штатах – Мистер «Икс» («третье лицо»).

Флайшфарб+Святло+Мистер Икс = путь прихода к коммунизму, путь выхода из коммунизма.

Анастасия Петрина

Омский государственный университет, Омск

Зарождение новой научно-биографической модели в контексте интеллектуальной истории

Задачей предлагаемого доклада будет обоснование гипотезы – о появлении новой модели создания научной биографии, или биографии известного ученого-исследователя. Гипотеза возникла из анализа разных типов специальной литературы: теоретических монографий, биографий современного толка, биографических эссе, различных методологических исследований в области данного жанра. Обращение к истории появления биографии и, конкретнее, научной биографии, позволило увидеть существенные моменты в развитии этого многоуровневого жанра. Охарактеризуем их, учитывая, что начало биографической традиции лежит в V-IV веках до н.э. и непосредственно сам биографический жанр переживает разные изменения соответственно историческим этапам. В XIX веке появляется «Опыт изучения и построения биографии» Джеймса Стенфилда (1813г.) – первое исследование, специально посвященное методологическим проблемам биографии.

В XX веке начинается именно тот процесс, который и представляет наибольший интерес, поскольку характеризуется изучением самого жанра биографии, и в особенности – зарождением новой модели написания научно-биографического труда. Многочисленные и глубинные исследования историков, психологов, философов: Шарлотты Бюллер, Николая Рыбникова, Ролана Джорджа Коллингвуда, Поля Кендалла, Михаила Ярошевского, Юрия Лотмана – дали возможность понимания, насколько сложной структурой обладает жанр научной биографии, и какие его особенности еще не получили сегодня должного развития и воплощения в сложившейся научной традиции.

Несомненным является тот факт, что понятие «личность» стало основным и в биографии, и в психологии, и в истории, и в философии. В связи с этим появляется мысль, что писать научную биографию отдельного исследователя, делая акцент только на периодах его творческой деятельности, – занятие, безусловно, интересное, но все-таки не раскрывающее полностью иных субъективных сторон и особенностей персонажа. Духовные метания, творческие изыски, эмоциональная сфера – все это воплощает в себе именно личность ученого, сложное и многоплановое образование. Об индивидуальности, таинственности и загадочности любого биографического персонажа говорит Р.-Дж. Коллингвуд, а Е.Г. Чиглинец, профессор Казанского университета, подчеркивает необходимость событийности, драматургической заостренности в биографии. Таким образом, имеет смысл попытаться создать несколько иной вариант научной биографии – с характеристикой не только деятельности отдельного ученого, но и его личностных особенностей, используя при этом литературный стиль в повествовании.

Во второй половине XX века о себе заявляет интеллектуальная история, характеризующаяся в отношении биографии тем, что, во-первых, история привносит в научную биографию обязательный хронологизм и четкость в изложении фактов. Во-вторых, совмещая в себе сразу несколько ипостасей гуманитаристики, история иллюстрирует своеобразие изучаемого нами жанра детально, подробно, имея прекрасную способность к многоаспектному восприятию такой сложной научной системы, как биография. И благодаря этому, интеллектуально-исторический контекст может стать когнитивным фундаментом, серьезной научной базой для написания биографии.

Л.П. Репина, автор многих книг по интеллектуальной и персональной истории, в монографии «История через личность: историческая биография сегодня», отмечает закономерность в развитии биографии в направлении изучения личности персонажа и необходимую потребность в этом самой интеллектуальной истории.

Л.П. Карсавин в книге «Философия истории» заметил: «История индивидуальности неуловимо и неизбежно переходит в историю вообще». Базируясь на этом утверждении, вероятно, можно предложить идею о некоей семантической диффузионности понятий «история личности» и «история вообще». Личность всегда будет отражать историко-временные перипетии, равно как и само время будет отражать эту же личность. И личность, ее история осуществляет переход к истории государства, и история государства или общества беспрепятственно может влиться в развитие конкретной персоны.

Делая заключение по всему сказанному, отметим, что наша попытка применить в модели создания биографии так называемый междисциплинарный подход находит еще одно подтверждение в словах М. Ярошевского: «Современная научная биография является прерогативой историка, в том числе историка науки, литературы, философии».

Наталья Петрова

Высшие литературные курсы; журнал «Генеральный директор», Москва

Улыбка в наследство. Биография предка и его автобиографический роман: ревизия связи с прошлым и источник собственных жизненных стратегий сегодня

1. Семейная история – источник личного образа и жизненных стратегий. Ее анализ позволяет сохранить позитивные и естественные для человека семейные стратегии, представления и опыт. Незнание ее - приводит к тому, что человек бессознательно строит свою жизнь, опираясь на «склеенные» негативные и позитивные ресурсы предков. Поэтому выстраивание генограммы и ревизия собственной жизни как ее следствия – базовый инструмент для преодоления неудовлетворенности жизнью.
 2. Восстановление генограммы опирается на свидетельства и рассказы очевидцев (членов семьи, родственников, друзей, иных свидетелей), которые позволяют восстановить факты и мнения, источники убеждения и стратегий жизни, белые пятна и противоречия в воспоминаниях. Идеально – собрать мнения противоположных сторон и критически отнестись к итогам. Генограмму рода желательно строить до 4 колена от человека.
 3. Психологическую правду генограммы можно ревизовать, углубить и уточнить с помощью психологических реконструкций (психодрама, метод Хеллингера, ролевые игры и др.). Эта работа позволяет протагонисту выявить те сюжеты и взгляды, которые формируют его негативные стратегии, и сформировать позитивные сценарии жизни, решающие проблему, которая мешает счастливо жить.
 4. Эксклюзивный ресурс семейной реконструкции - автобиографический роман значимого предка. Он позволяет восстановить внутренний мир и исторический контекст жизненных стратегий этого человека, а значит, позволяет потомку увидеть глубинные истоки и суть наследуемого жизненного кредо, почувствовать течение времени в собственных венах и увидеть происходящее с собой и окружающим миром с «литературной» высоты. Даже если сам литературный текст предка несовершенен, взятый как попытка свидетельства, он бесценен и для потомка как личности в семейной истории и истории страны.
 5. Историю изучают ради будущего. Найдя на антресолях неделю назад автобиографический роман деда, известного физика-атомщика, о тылах Великой Отечественной, я вынесла два главных «открытия». Во-первых, позитивные жизненные стратегии формируются и передаются от людей, способных к юмору, в том числе в отношении себя, так что улыбка в наследство – главный ресурс успеха. Во-вторых, главным средством разрешения жизненных коллизий являются любовь (по К.С. Льюису, то есть во всем ее многообразии, не только сексуальная) и прощение, - или признание, что любви нет и людям пора расходиться каждому своей дорогой, поблагодарив друг друга за полученный опыт.
- Мой дед говорил «Если женщину любишь, ей прощаешь все!» На возмущенный вопрос «как все?» повторял «все!» - и шел в свою комнату работать. Судя по его истории с моей бабушкой, это двустороннее правило. Иначе – не работает. Говорят, в детстве я смотрела на деда и шурилась, как на солнце. Верю, что так и было.

Ирина Реброва

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар

Конструирование авто/биографии в ходе устного интервью ветеранов Великой Отечественной войны

Практика изучения современности, на наших глазах превращающейся в историю, способствует накоплению такой разновидности источников личного происхождения как

интервью. Устная история и биографический метод ввели новый тип автобиографий, который формируется непосредственно в ходе проведения интервью. С течением времени меняются формы передачи памяти о Второй мировой войне. Сегодня еще есть возможность сформировать многоликое представление о событиях военной поры, опираясь на обширный комплекс как официальных источников, так и источников личного происхождения. В связи с этим возрастает внимание исследователей к устной истории как методу, благодаря которому можно расширить сформированное представление о войне, увидеть «человека воюющего», понять его чувства, эмоции, настроения, погрузиться в военную повседневность. Используя метод устной истории, историк получает уникальную возможность управлять процессом создания нового источника в соответствии с потребностями своего исследования, конкретизировать и уточнять получаемые данные. Благодаря взаимной работе информанта и интервьюера появляется новый источник – биография. Именно биография, так как вклад интервьюера очевиден: он направляет рассказ информанта, задает уточняющие вопросы, а затем при анализе полученного источника сам восстанавливает хронологическую последовательность истории жизни рассказчика. Благодаря рассказам участников и очевидцев Второй мировой войны о своем опыте создаются образы и представления, которые включаются в состав культурной памяти. Эти рассказы проливают свет на картины прошлого, содержание, структуру и механизмы передачи исторической памяти. По ним можно рассматривать проблемы динамики взаимоотношения зафиксированных в коллективной памяти представлений о прошлом, сохраняемых в силу традиции или востребованных меняющейся общественно-политической реальностью.

Современная историографическая ситуация и в нашей стране, и в мире в целом характеризуется интересом к так называемому «молчаливому большинству». В устноисторических исследованиях на первый план выходит субъективный опыт отдельного человека, создается его личная биография, которая затем становится предметом исследования.

Абрам Рейтблат

«Новое литературное обозрение», Москва

Что не попадает в биографию?

1. Биография — форма социализации человека посредством повествования о жизни реально существующего лица (наряду с другими формами социализации: прямым информированием о существующих в обществе нормах и ценностях; повествованием о вымышленных персонажах (художественная литература); информация о социально одобряемых и неодобряемых образцах из ближайшего окружения (родители, друзья и т.п.).
2. В биографический нарратив отбирается лишь очень небольшая часть фактов жизни биографируемого персонажа, необходимых для построения соответствующей смысловой конструкции. Это, главным образом, социально важные и социально обусловленные аспекты его жизни: воспитание и обучение, профессиональная деятельность и творчество. Менее значима частная, преимущественно семейная жизнь.
3. Сферы же, представляющие сугубо частные сферы, либо не представлены в биографии, либо представлены в предельно редуцированной форме. Биограф не считает их социально обусловленными и, соответственно, важными для общества и социализации, хотя социолог, вне всякого сомнения, отвергнет мысль о чисто биологической природе этих сфер. Я имею в виду прежде всего такие сферы, как секс и

здоровье. О сексуальных практиках героев (особенно не являющихся господствующими в данном обществе, я уж не говорю о перверсиях) биограф обычно не пишет, равным образом он обычно не пишет (у лучшем случае — упоминает) о болезнях, хотя они могут играть первостепенную роль в жизни персонажа.

4. Другая сфера, которая обычно не попадает в биографии — это быт, повседневность. С одной стороны, она считается гораздо менее важной, чем важные поступки в социальной и политических сферах, изобретение и творчество. С другой стороны, биография — это нарратив, а передать в нарративе рутинное гораздо труднее (и менее выигрышно), чем яркое и неординарное. В результате читатель не знает, чистил ли персонаж зубы, а если да, то как, носил тесную или свободную одежду, где приобрел обувь и т.д. Более того, даже круг чтения (например, выписываемые газеты, приобретаемые книги и т.д.) освещается в биографиях в редчайших случаях.

5. Сказанное представляет общие тенденции построения биографического нарратива. Однако в советском обществе, предельно политизированном, именно факты из политической сферы зачастую тоже опускались или искажались. Так, о биографируемых персонажах советского периода не сообщалась их политическая принадлежность (если они не были большевиками), не говорилось о репрессиях по отношению к ним (аресты, запреты публикаций и т.п.), у персонажей-евреев опускалась «еврейская» сторона их жизни и т.п.

6. Таким образом, основной посыл биографии — дать представления не об интересах, ценностях, личности биографируемого персонажа, а о нормах и ценностях общества, которому принадлежит биограф.

Ольга Розенблюм

Российский государственный гуманитарный университет, кафедра истории русской литературы, Москва

Эмоциональный спектр, каналы опыта и структура переживания в «нормативной биографии» (на материале «Зоя» М. Алигер)

Поэма М.Алигер «Зоя» (1942) является примером нормативного текста, определяющего зону индивидуального и задающего нормы переживаемого: что, как, когда, кто ощущает (должен ощущать). В поэме, призванной задавать «картину мира», есть, однако, две модели индивидуального опыта: структура «опыта героя» и «опыта автора» оказывается различной. Их сопоставление позволяет описать определенные черты «опыта героя» как характеризующие полюс «нормативной биографии»:

Эмоциональный спектр:

Чувства / эмоции статусны (человек, принадлежащий к определенной общности, испытывает характерный для этой общности спектр эмоций; ситуации, провоцирующие эмоции, также зафиксированы). Эволюция личности, внутренний рост человека стандартны, примерно определены их этапы. Вершиной этого внутреннего роста оказывается идентификация личности с некой общностью.

Каналы опыта:

Основными каналами опыта (помимо эмоций, чувств, состояний) становятся аналогия и эмпатия – те каналы опыта, которые обеспечивают включенность личности в общность.

Структура переживания:

Биография человека дискретна, переживания не длительны, «память» означает не длительность, но действие. Таким образом, при описании «нормативной биографии» проблематичным становится слово «опыт», поскольку означает «пережитое», но теряет значение «отрефлексированное», «изменившее», «определившее, в свою очередь, что-

либо», «длящееся». Также проблематизируется и понятие «индивидуальный», приобретающее значение «нормативный».

Сергей Румянцев

Институт Философии и Политико-Правовых исследований АН Азербайджана, Баку
До и после эмиграции: идеология непрерывности биографии, как личного проекта

Ситуации различных фаз миграции (до, в момент и после эмиграции), фиксируемые при проведении серии биографических интервью с одним и тем же информантом, демонстрируют специфику изменений репрезентаций истории жизни, как повествования о «значимой и направленной последовательности событий» (П. Бурдые). Динамика изменения интенций, а также состояний и агентов поля в которых производится биография, становится причиной актуализации в различных ситуациях разных фактов биографии, и направлена на конструирование непротиворечивой идеологии непрерывности жизненного пути, как личного проекта эмигранта. Продолжительность исследования и последовательная серия интервью проводившихся на разных фазах миграции позволили провести ряд наблюдений и сформулировать ряд выводов о специфике биографического исследования.

Четыре интервью (следует отметить, что первое было проблемно-ориентированным, а три последующих биографическими) проведенные на протяжении девяти лет с одним информантом, позволяют успешно реконструировать состояния поля, в котором принималось значимое для информанта решение эмигрировать, а также последовавшая, «в свете опыта, полученного в стране миграции» (Р. Брекнер) переоценка ситуации в стране исхода, и неоднократный пересмотр всей идеологии жизненного проекта. Последнее, из проведенных интервью сопровождалось участвующим наблюдением за повседневными практиками информанта в эмиграции. Подобный методологический подход позволил провести сравнительный анализ данных наблюдения с результатами интервью и, вместе с тем, увидеть биографию эмигранта, не только как его рассказ о собственной жизни, но и через повседневные рутинные практики работы, общения с друзьями и соседями, отношениями в семье и пр. Комбинация последних двух методов представляется наиболее успешной в частности для исследования процесса адаптации в принимающей стране.

Продолжительное исследование одного кейса позволяет наблюдать, как информантом конструируются, в зависимости от специфики поля, в котором он пребывает, разные объяснительные модели непрерывной биографии, а также то, как реактуализируются различные факты биографии в зависимости от интенций на будущие жизненные планы.

Дмитрий Смирнов

Иваново, Ивановский государственный университет, Иваново

Гладить против шерсти: Сомнение как факт биографии Вальтера Беньямина

Среди интеллектуальных занятий Вальтера Беньямина трудно назвать главные. Возможно, таковыми были изучение прошлого и настоящего европейских городов, театр и литература. Но, скорее всего, все они позволяли ему в первую очередь свободно находить подтверждение своих идей, предоставляли научный материал, раздвигали границы познания истории и современности.

Широта и глубина мысли Вальтера Беньямина предполагали именно такое отношение к интеллектуальной деятельности. Он не считал свою работу лишь частью жизни, а

потому обнаруживал предметы для научных оценок в самых разных местах. При этом он рассматривал их в столь широком контексте – пространственном и временном – и со столь неожиданных сторон, что критикам оставалось либо игнорировать его, как происходило при жизни мыслителя, дабы не обнаружить свою интеллектуальную беспомощность, либо восхищаться его способностями, предугадывать тенденции в развитии мировой философии, как произошло во второй половине XX в.

Действительно, в 60 – 70 гг. прошлого века интерес к работам Бенямина вырос. Для широкого круга исследователей и для общества в целом оказались привлекательны и отношение мыслителя к окружающему миру, и его методы познания и изучения отдельных явлений.

Основу его исследовательской работы составляло сомнение в широком смысле этого слова, критическое восприятие отдельных фактов и окружающего мира в целом. Он считал себя обязанным “гладить против шерсти”. Поскольку, как писал Бенямин, “не существует ни одного документа культуры, который не являлся бы и документом варварства”: “И как сам документ не свободен от варварства, таким же варварством отмечен и процесс его перехода от одного владельца к другому”. А потому в процессе его изучения необходимо “отстраняется от него насколько это возможно”.

Отношение Бенямина к критике менялось, отражая событий европейской истории. В 20-е гг. мыслитель видел суть критики в свободном анализе и оценке социальных явлений, когда эксперт не занимает политической позиции. К середине 30-х гг. Бенямин признал, что позиция сомневающегося может политизироваться. Но происходит это как вынужденное неприятие развивавшихся политических процессов и проявление борьбы с фашизмом, стремившемся “эстетизировать политическую жизнь”.

Нина Цветаева

Социологический институт РАН, Санкт-Петербург

Биографические нарративы советской эпохи: модели дистанцирования от идеологических норм

Следы истории взаимоотношений общества и личности мы можем найти в биографических нарративах. В частности, можно реконструировать, как строились эти отношения в советском обществе, как жесткие нормы советской идеологии формировали жизненный путь человека, были ли у советского человека возможности дистанцироваться от давления идеологических стандартов того времени.

Историю этих взаимоотношений я анализировала по биографическим нарративам двух поколений, которые в моем проекте символизировали «переходные» этапы жизни советского общества. Первое - «крестьянское» поколение – названное так потому, что авторами нарративов были люди крестьянского происхождения, семьи которых пережили в своем опыте такую «переходную» эпоху, как становление советской власти, сопровождавшееся рядом социальных коллизий (гражданская война, коллективизация). Второе - поколение «шестидесятников» - названное так, потому что авторы нарративов пережили в своем опыте тоже своего рода «переходную» эпоху - годы «оттепели», годы разоблачения «культы личности» и некоторого смягчения советской идеологии.

Результаты анализа нарративов этих двух «переходных» в истории советского общества поколений позволяют представить как характеристики зависимости биографического дискурса от идеологических схем того времени, так и возможности дистанцирования от этой зависимости.

Ольга Шабаршина

Научная библиотека Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, Нижний Тагил

Личная библиотека как отражение биографии

Редкий фонд Научной библиотеки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии на протяжении своей истории вобрал в себя разрозненные книжные коллекции многих библиотек. В том числе книги из личной библиотеки Н. В. Топорнина (1850–192?) [1]. Нами были выявлены книги с владельческим штампом и росписью «Николай Васильевич Топорнин» по педагогике, психологии, истории, языкознанию, литературоведению, географии, краеведению. Благодаря остаткам этого книжного собрания, из Леты вернулась в историю тагильского образования биография выдающегося педагога, человека своего времени.

Ядро библиотеки нижнетагильского учителя, видимо, составляли книги по педагогике (первую он купил в 19 лет, самую позднюю – в 34-летнем возрасте). Изучая «читательские следы», оставленные владельцем на полях книг мы не только смогли выделить основные этапы в его биографии, но и познакомились с творческой лабораторией земского учителя, использовавшего в своей работе опыт отечественных и зарубежных педагогов-новаторов. Важным моментом мировоззрения Н. В. Топорнина было его пристальное внимание к педагогической теории и практике, отразившееся на репертуаре его личной библиотеки. Он постоянно пополнял свое книжное собрание профессиональной литературой. В его успешной преподавательской деятельности, возможно, сыграли роль не только большой трудовой стаж [2], но и опора на опыт выдающихся педагогов, интерес к новинкам педагогической литературы.

За годы Советской власти судьбы многих «из бывших» были вычеркнуты из истории. Методологическая революция в гуманитарных науках обратила внимание исследователей на читателя (так называемая книжная антропология) и на изучение читательских интересов владельцев маленьких книжных собраний. Современные историки, вслед за М. Блоком оживляют «безжизненный облик истории мира», изучая «индивидуумов», в том числе и по книгам из личных библиотек. Наше исследование прекрасное тому подтверждение.

Примечания

1. Примерная дата рождения вычислена по документу «Учителя Нижнего Тагила в 1919–1920 учебном году» ОДААНТ Ф. 323. Оп. 1. Д. 9. Об. 37. (Автор благодарит за возможность воспользоваться данными материалами А. В. Ермакова).

2. К 1920 г. педагогический стаж Н. В. Топорнина составлял 49 лет (Сосчитано по: ОДААНТ Ф. 323. Оп. 1. Л. 9. Об. 37.).

ⁱ По определению В. Губарева. Цит по: Губарев В.С. Белый архипелаг Сталина. М.: Молодая гвардия, 2004. Стр. 5.